

РАЗДЕЛ 2. СЛУЖЕБНАЯ И ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Ф. И. ТЮТЧЕВА

Беженару Людмила Ефимовна (L. E. Bezhenaru), доктор филологических наук, доцент Департамента иностранных языков и литератур, кафедра Славистики «Петру Караман», Ясский университет им. Ал. И. Кузы (г. Яссы, Румыния) (*Iasi, Romania*); ludbejenaru@gmail.com

УДК 070/811.161.1

ТЮТЧЕВО-ПРИЛЕПИНСКИЕ НАРРАТИВЫ ОСМЫСЛЕНИЯ РОССИИ

Аннотация. Статья рассматривает проблему вечных споров о судьбоносности России, определяет *Россию* как *самобытную национальную целостность*, в которую наряду с русскими, принявшими византийское христианство, влились многие народы с различными верованиями. Автор анализирует философскую миниатюру Ф. Тютчева «*Умом Россию не понять*» и эссе Захара Прилепина «*Я пришел из России*», в которых авторы определяют самобытность русского народа, его уклад жизни и устройство общества, которые не поддаются европейской логике и вызывают у иностранцев не только удивление, но и суеверный ужас. По мнению обоих авторов, Россия непредсказуема, и эта ее национальная черта ставит крест на честолюбивых планах многих европейцев, которые испокон веков пытались покорить страну, понять которую были не в силах. Захар Прилепин любит

Россию горькой любовью, знает все недостатки своего родного края, но не предаёт его. Нас подкупает прямота *лейтенанта, бритого до синевы*, в котором автор *разгадывает себя*, его честность, ирония, цинизм. Эссе «*Я пришел из России*» – это почти документальный очерк о реальной России, ее прошлом, это достоверно переданные в публицистической форме автором впечатления и соображения о Руси, которая сумела выстоять в годы великих испытаний, о русской деревне, с *избами и крестами*, которых *не продать и не разменять*.

Ключевые слова: Тютчев, Прилепин, идентичность, русофобия

TYUTCHEV-PRILEPIN NARRATIVES OF UNDERSTANDING RUSSIA

Annotation. The article deals with the problem of eternal disputes about the destiny of Russia, defines Russia as a distinctive national integrity, into which many peoples with different beliefs joined along with Russians who accepted Byzantine Christianity. The author analyzes the philosophical miniature by F. Tyutchev *Umomomom Russia can not understand Russia* and essays by Zakhar Prilepin *I came from Russia*, in which the authors define the identity of the Russian people, its way of life and the structure of society, which defy European logic and cause foreigners not only surprise, but also superstitious horror. In the opinion of both authors, Russia is unpredictable, and this national trait puts a cross on the ambitious plans of many Europeans, who for centuries have tried to conquer the country, which was unable to understand. Zakhar Prilepin loves Russia with a bitter love, knows all the shortcomings of his native land, but does not betray it. We are bribed by the straightforwardness of the lieutenant, shaved to the blue, in which the author unravels himself, his honesty, irony, cynicism. Essay *I came from Russia* – is almost a documentary essay about real Russia, its past, it is reliably conveyed in a journalistic form by the author's impressions and thoughts about Russia, which was able to withstand in the years of great trials, about the Russian countryside, with huts and crosses, which can not sell and not barter.

Keywords: Tyutchev, Prilepin, identity, Russophobia

По мнению многих ученых, человечество в начале XXI века оказалось на пороге неведомой еще модели мировой цивилизации. И в этих условиях бешеного ускорения к новому порядку многообразные социокультурные формы ощущают себя не совсем уютно, и поэтому пытаются найти альтернативные модели, в которых гармоничное сочетание общего и различного придавало бы равновесие

сущему. С одной стороны, единые человеческие ценности – это толерантность, ненасилие, стремление к экономическому, социальному, экологическому благополучию для всех. А с другой стороны – это духовная ось координат, сложенная из многоцветно, динамично развивающихся самобытных культур, сохранение которых необходимо для того, чтобы весь мир в своей технонаправленности не стал слепком футуристической страны, изображенной в антиутопии Замятина «Мы», где все, что находится за пределами рационального, навсегда изгнано, и в вымышленном обществе живут не люди, а номера. Потеря *этнокультурной идентичности* любого этноса, населяющего нашу планету, это трагедия не одного маленького человека. Это катастрофа для всего человечества. Это как колокол, который звучит по каждому из нас.

Лев Гумилев [4] задолго до нынешних или вечных споров о судьбоносности России определил *особую цивилизованную суть страны*. Россия – это самобытная национальная целостность, в которую наряду с русскими, принявшими византийское христианство, влились многие народы с различными верованиями. И умение, состояние, способность русских людей понять, полюбить, принять чужое этническое своеобразие Лев Гумилев назвал *комплементарностью*. Это качество нам всячески сегодня нужно утверждать, поддерживать и культивировать и в среде других народов. И здесь объединяющими может быть культура в целом и искусство в частности. Не культура ненависти, не культура национального превосходства, расслоения, а *культура единения, культура содружества и культура гумилевской комплементарности*.

Но задолго до гумилевской *комплементарности* другой русский автор определил суть русской цивилизации и России в целом строкой, ставшей афоризмом: «Умом Россию не понять...» [6]. Всего лишь в одной строке, по нашему мнению, Федор Тютчев еще в 1866 году образно и метко охарактеризовал Россию, самобытность русского народа, его уклад жизни и устройство общества, которые не поддаются европейской логике и вызывают у иностранцев не только удивление, но и суеверный ужас. В первую очередь, речь идет о загадочной русской душе и удивительном образе мыслей россиян, которые не укладываются в общемировое понимание. И именно это качество, по мнению Федора Тютчева, является наиболее важным и ценным, так как служит гарантией того, что русский народ не закостенеет в своих

обывательских стремлениях, как другие самодостаточные народы, а пытливость и врожденное стремление к познаниям заставит нацию развиваться даже в самых сложных и гнетущих условиях.

Одни говорят о классике русской поэзии, что он был равнодушен к своим стихам, другие утверждают, что замыслы его были гораздо значительнее, а третьи доказывают, что признанный классик был занят вопросом о месте России в мире. [6]. Он не мыслил свою жизнь без России, потому родителям, которые надеялись на продолжение им дипломатической карьеры, он писал: «Как могли вы подумать... чтобы я покинул Россию. Будь я назначен послом в Париж... и то я поколебался бы принять это назначение... Петербург, это... русский характер, это – русская общительность». [7].

Любил Россию больше чем женщин. О своем чувстве к Амалии Лерхенфельд, писал: «*После России* это моя самая давняя любовь». В Италии напоминал Жуковскому, что «счастье» для него не цель. «Его не привлекали ни богатство, ни почести, ни даже слава, – напишет о Тютчеве князь Гагарин. – Самым глубоким, самым заветным его наслаждением было наблюдать зрелище, которое представляет мир». И в этом зрелище он видел свою Россию, которую «умом не понять, аршином общим не измерить» и сам отвечает на возможный вопрос – почему? «У ней особенная стать – в Россию можно только верить», – подчеркивает Федор Тютчев, словно бы подводя итог своим длительным раздумьям и попыткам понять феномен собственной страны. «Он и Россию, поскольку созерцает ее разумом, видит прежде всего как государство, а в государстве этом самое важное для него – не внутреннее устройство, а внешнее могущество и влияние. Патриотизм его, из чувства превращаясь в мысль, Россию мыслит не иначе как мощным рычагом европейской и мировой политики» [2, 40]. Действительно, Россия непредсказуема, и эта ее национальная черта ставит крест на честолюбивых планах многих европейцев, которые испокон веков пытались покорить страну, понять которую были не в силах. Более того, и сами россияне не в состоянии дать ответ на вопрос, что ждет их через год или два, ведь жизнь постоянно меняется, а славянской душе чуждо чувство инертности. Поэтому все, что остается, так это вера в державу, которая обладает могуществом именно потому, что предугадать ее следующий шаг не в состоянии даже сами россияне.

Следует отметить, что слова Тютчева в этом отношении оказались пророческими, так как все последующие события, которые на протяжении полутора веков происходили в России, постоянно шокировали мировую общественность. За сто лет до советских идеологов он одним из первых назовет Запад «гнилым» и слово «оттепель» пустит в оборот за столетие до Эренбурга, окрестив им первые годы после смерти Николая I. Хотя считал «писание страшным злом, как бы вторым грехопадением бедного разума», написал 1250 писем, из которых лишь треть пока опубликована. В них Тютчев философствует с Шеллингом, спорит с Чаадаевым, шутит с молодым еще Тургеневым. Благодаря его переписке с дочерью Анной, которая сохранилась для истории в архиве Аксакова, мы узнаем и об определении Тютчевым понятия «руссофобия» [8], очень модное как явление в наши дни общемобилизационная идея Запада против России. Он пишет о современном ему факте, как реакция на возникновение в Европе враждебного отношения к России, приобретающем «все более патологический характер. Речь идет о руссофобии некоторых русских – причем весьма почитаемых... они так нежно любят Европу, что она, бесспорно, обладает всем тем, чего нет в России. А что мы видим ныне? По мере того, как Россия, добываясь большей свободы, всё более самоутверждается, нелюбовь к ней этих господ только усиливается» [8].

Это борьба Тютчева с Россией – и за Россию – была поединком поэта со светской чернью, но и с Западом, презиравший все русское «сквозь призму ненависти, помноженной на невежество» [7]. Защищать родину была истинной целью его как поэта, дипломата и гражданина. Потому для борьбы с внешними врагами он предложит Бенкендорфу идею личного «проекта»: начать «партизанскую войну в тылах европейской печати», изменив общественное мнение в пользу России, для прославления державы.

Хотя в своих размышлениях о судьбе страны он видит Россию не иначе как мощным рычагом европейской и мировой политики, в своей лирике Тютчев в завуалированной форме говорит о смиренной терпимости русского народа и о его неспособности противостоять власти, уверяет читателя (в «Эти бедные селенья»), что у России есть свой неповторимый путь, а русский народ озарён «тайным» светом, который представляет собой глубокое религиозное чувство,

веру, патриархальность, что свойственно русским людям. Одна из главных мыслей Тютчева в этом произведении заключается в том, что русских людей, кротких и смиренных по своей природе, спасает их терпение, их надежда и вера в свет. Образ Христа, «царь небесный», который «исходил, благословляя, Всю тебя, земля родная» хранит Русь и ее народы. Селенья в глазах лирического героя, который отражает взгляд самого Тютчева, «бедные», природа – «скудная». Однако восклицание *Край ты русского народа!* явно даёт понять, что герой любит свою страну и свой народ и даже восхищается ими. Тютчев пророчески считает, что судьба России зависеть может только от нее самой. Куда пойдет Россия, каким путем – неведомо никому. Но поэт верит в «целый особый мир», имя которому – Россия, в ее величайшее предназначение, в миротворческую миссию и в тот путь, который она изберет. «У ней особенная стать – в Россию можно только верить», – это, пожалуй, констатация феномена своей Родины. Стихотворный тютчевский афоризм включает в себе философское обобщение поэта о России: речь идет об иррациональности сознания русского человека, о самобытности русского народа и его культуры, о крепости веры в душах русских людей. Исследователи даже видели в этом произведении уподобление России Ноеву ковчегу, спасаемому во время всеобщего крушения. По мысли Г. Э. Гольшевой, все произведение построено на глаголах, которые «создают внутреннее движение образа» [7], русскую птицу-тройку, летящую подобно птице, объединяющую тысячелетнюю историю Руси-матушки и уважение к народу, который эту историю создавал руками простого русского человека. Повторяющаяся частица «не», *не понять, не измерить* усиливает авторское утверждение, а выделительная частица *только* подчеркивает при этом исключительность России.

По идейному содержанию тютчевская философская миниатюра о сущности России созвучно эссеистике Захара Прилепина. Если произведение Тютчева известно почти каждому встречному, эссе Захара Прилепина «Я пришел из России» (взятого нами за основу) мало изучен, почти не цитируется, хотя в нем мысли заложены глубокие и правдивые.

Интерес исследователей к творчеству З. Прилепина локализуется, как в критике, так и в литературоведении, преимущественно на крупных эпических произведениях. О творчестве писателя положительно отзываются критики Павел Басинский, Юлия Щер-

бинина, Дмитрий Володихин, А. Мирошкин, А. Архангельский, М. Н. Липовецкий.

Захар Прилепин – талантливый прозаик, умеющий говорить и писать интересно и о политике, и об обществе, и о любви. У него блестящий язык, свой, прилепинский, стиль, и мыслей полно, а главное – он умеет передать жизнь во всей ее *полифонии*. Собственно, полифония происходящего, вбирающая осмысление жизни самыми разными людьми, и есть *основное* в произведениях Прилепина.

Его публицистика, эссеистика – в основном, это эссе и статьи о Родине. В целом – о России как о самобытной национальной целостности, а частные составляющие подобраны удивительно хорошо: не успеешь устать от истории, политики, социальной проблематики – перед тобой страницы о литературе, семье, гармонии с собой, «разговоры за жизнь» и про Бога. Да и не так однозначны темы прилепинских эссе, они, при скромных объемах своих, представляют достаточно полные, осмысленные широко картинки русской/российской действительности. Разнообразные эссе и статьи на разную тематику, в котором З. Прилепин делится с читателем своими мыслями, сомнениями, откровениями, открытиями, жизненным опытом, можно условно разделить на две части. Одна касается искусства и литературы, другая политического дискурса. Но все сильно взаимосвязано и переплетено. И как очевидно из названия – вся тематика направлена на понимание Русского мира, на осмысление России и русскости.

В самом начале книги автор пишет о том, что не любит думать... Да и непонятно, любит ли он Родину или ...Первое впечатление от «Я люблю свою Родину *вроде бы...*» ставит читателя в тупик, как и строка Тютчева *Умом Россию не понять...* Так любит или не любит автор родину свою, или *вроде бы* любит? Любит, но странною любовью, сказал бы Лермонтов. Любовью с грудью на распашку мужика, трудяги от сохи, из глухой деревни России, в которой *покосившиеся избы вросли корнями в землю*. Любовью «реальных пацанов» из цикла «Ботинки, полные горячей водкой», «никчемушных» людей (А. Архангельский), «счастливого семейства». Любовью пахаря и труженика, чудика-балагура, чья жизнь глубоко укоренена в род, в землю малой родины, которая уже не выглядит счастливой и солнечной, и ориентирована на «лад» крестьянского «мира». Любовью Сержанта, ищущего способы

избавиться от заедающей пустоты существования. Любовью, которая не имеет каких-либо разумных оснований, а является его врожденным чувством и частью его ДНК. За что? А почему нужно любить за что-то? А просто любить, только потому, что она, Россия, твоя, нельзя?

А еще любит за самобытность и яркий национальный колорит, за природу и пройденную достойно историю, за русскость и за «*Слово о полку Игореве*». За Мишку Лермонта. За Серёгу Есенина. За Паишку Васильева. За Колю Тряпкина. За песни Гражданской войны, за запах сырого сукна и пота, за победы в самых страшных мировых войнах и за новые победы тоже... [5].

Захар Прилепин, как всегда, афористичен, порой даже жесток. Он любит Россию горькой любовью, знает все недостатки своего родного края, но не предаёт его: *Русь моя, голоса твои меж ребер эхом. Нас подкупает прямота лейтенанта, бритого до синевы, в котором автор разгадывает себя, его честность, ирония, цинизм. Эссе «Я пришел из России» – это почти документальный очерк о реальной России, ее прошлом, это достоверно переданные в публицистической форме автором впечатления и соображения о Руси, которая сумела выстоять в годы великих испытаний, о русской деревне, с избами и крестами, которых не продать и не разменять.*

Среди *призраков* Родины, которые *обступают его как деревья*, автор чувствует теплоту и задыхается от ощущения *бесконечного детства*. И Родина ложится на воспоминания как тяжелый снег, который тает на губах. Перед глазами собираются и *русский князь Святослав, бритый, потный, который сырую конину рвет зубами, и злые и пьяные повстанцы Разина Степана Тимофеевича. Шпана, гулебицки, негодяи... и Иван Грозный, который убивал, но еще и молился, отмаливал и замаливал, и сочинял музыку, пока в Европе пошлые правители резали младенцев и жгли женщин, и никогда не стыдились этого... и народ России, который коряв, да. Не чесан, не мыт. О предках тысячу лет назад писали, что живут в грязных норах и справляют естественные надобности только втроем. По одному не ходят в лес. Хуже собак, стесенья нет, скот, а не народ. В бородах. В нелепых одеждах. Зимой примороженные, летом размороженные. Церкви строил и жег. Воевал глупо и бестолково. Все делал так, что должно было обвалиться. Но стояло тысячу лет. Никто не сдвинул [5].*

Кто скажет, что описание неправдиво? Это же пишет русский в корне человек, рязанский рубаха-парень, патриот, любящий Россию и ее народ как зеницу ока: *Люблю тебя, милый мой, корявый... Целую ваши корявые пальцы, пугливые глаза, пою и помню вас*, – пишет Прилепин, и он часть русского народа, который смотрит на мир с иронией и оптимизмом, – *я, дурной и наивный, я, без стеснения* [5].

Автор пробует избавляться как от «национальной мании величия», так и от «комплекса национальной неполноценности». Он радуется за пройденный нелегкий путь, приводит имена исторических личностей, писателей, композиторов. Он говорит открыто и свободно о недостатках и неустроенности русского быта: *Мне без разницы, кто, когда и что сделал первым. В Греции уже Олимпиады проводились, а мы по деревьям лазили. В Индии Кама сутру практиковали, а мы в стожке... И чего, стесняться? Что, у нас дети хуже индийских? Или сопливей греческих?* [5]. Не стесняется своего происхождения, ему не стыдно быть русским, да еще гордится выдающимися деятелями русской культуры, будь они русскими или других этносов: *В позапрошлом веке Достоевский был лучше всех европейских сочинителей текста. И Мусоргский, и Чайковский были лучше всех сочинителей музык. А в прошлом веке – Рахманинов и Свиридов были лучше. В 30-е годы Владимир Набоков и Гайто Газданов обошли всех европейских эстетов. Владимир и Гайто, – они вкуснее, умнее, изящнее вязкого Пруста* [5].

В честном и правдивом эссе Прилепина можно найти и ответ на тютчевский афоризм: *В России нет современности*, пишет автор *Обитатели*, *Поэтому ее никто не понимает. Может, и не надо?* – завершает он риторическим вопросом, таким же важным, по нашему мнению, как шекспировский «*Быть или не быть?*» Может, не надо искать понимания непонятного? Загадочная русская душа и удивительный образ мыслей русского человека, россияне не укладываются в общемировое понимание, а самобытность русского народа и русского менталитета, непредсказуемость русской души не укладываются в общеевропейские представления и стереотипы поведения. Так уж устроен мир русского человека, хотя в этом непонимании есть один большой недостаток: это почва для русофобских мифов о «недолюдях», «диких неполноценных азиатах», «коварной и деспотичной восточной орде». Во все времена происходит одно и то

же: из-за *отсутствия понимания* Россию ненавидят – за её силу, свет, могущество и непонятную русскую душу. Рьяным критикам Русского мира можно ответить одной простой фразой: «Просто оставьте Россию в покое, вам ее не понять ни умом, ни сердцем. И не потому, что у вас нет ни того, ни другого, а просто потому, что, как сказал великий Федор Тютчев, *У ней особенная стать!*»

И сколько бы не стыдились представители *элитарной русофобии*, критики внутренние, быть русскими, их беда в том, что этого не исправить. Они русские, и точка! Пусть стыдятся и дальше.

А критикам внешним, авторам критики в идеологических целях, старающихся доказать «восточность» России, ее извечную, «архетипическую» неевропейность, неспособность к свободному самоопределению и саморазвитию, фатальную «тоталитарность» русской идеи, раболепие русского человека перед любой властью, тем, кто принижают культурно-цивилизационный уровень России до слаборазвитых африканских стран, что не делали самые отъявленные русофобы всех времен и народов, [1] – можно возразить словами того же Прилепина: *Мне без разницы...Мы отцы и дети гениальных песен и книг. Мы пришли из России и уйдем в нее* [5]. И это говорит вам русский мужик, любящий свою Россию до слез, у которого есть и свой грех, и своя обитель, и ботинки, наполненные водкой, и пацанские страсти, и бабушка, и осы, и арбуз... Он не хочет казаться правильным, он не даёт мудрых советов. Он тонко, – когда с иронией и сарказмом, а когда с грустью, – описывает в своих литературных произведениях не вымышленную Россию, а Россию реальную. От его правды иногда становится не по себе, но совершенно очевидно, что лучше русского мужика никто не знает, как «обустроить Россию» – ни «креативный класс», ни «гламурно-богемная молодежь», которая вечно «болеет» то за «народ», то «за Россию», забывая о реальном, дисциплинированном труде на благо «близкого» человека и отчизны, пусть и нелюбимой, «здесь и сейчас»; ни так называемые «партнеры», которые ратуют то за демократию и гуманизм в России, то за свободу на других континентах.

Возвращаясь к теории *комплементарности* Гумилёва, отметим, что несознательное (читай *не поддающийся осмыслению, непонимание*) влечение одного этноса к другому создает разную комплементарность, а комплементарные этносы, можно сказать, резонируют друг с

другом. Резонировать друзьям и недругам России можно не на основе русофобского политико-идеологического и псевдонаучного дискурса о ее *самобытной национальной целостности*, возникшем еще в начале позапрошлого века и постоянно возобновляющийся в различных ипостасях, а на *культуре единения, культуре содружества и культуре Диалога*, которая сегодня способствует формированию надежных доверительных отношений между людьми, странами и континентами.

Список использованной литературы:

1. Бабинцев, В. П. Матрица русофобии и ментально антропологические типы русской интеллигенции / В. П. Бабинцев, В. П. Римский // Научные ведомости БелГУ. «Философия. Социология. Право». – № 4 (44). – 2008. – Вып. 3. – С. 30–39.
2. Вехи; Интеллигенция в России: Сб. ст. 1909–1910. – М., 1991.
3. Вейдле, В. В. Эссе «Тютчев и Россия». / В. В. Вейдле. – Художественная литература, 2022 – с. 40.
4. Дмитриев, А. Тайна Л. Гумилева и его этнологии, // «Динамика пространства» [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://proza.ru/2020/05/11/474>.
5. Прилепин, Захар Я пришёл из России: сборник эссе. – Издательство «Лимбус Пресс», 2008.
6. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://rg.ru/2022/08/19/fedor-tiutchev-ia-vstretil-vas.html>.
7. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://ostihe.ru/analiz-stihotvorenija/tyutcheva/umom-rossiyu-ne-ponyat>; 9.
8. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://zavtra.ru/blogs/rusofobiya_150_let_nazad_poet_tyutchev_dal_opredelenie_nenavisti_k_rossii_i_russkim.
9. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://samlib.ru/g/gpebenchenko_j_i/323.shtml.